

SWETLANA MENGEL (HALLE / SAALE)

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАТРИЦА ЛАТИНСКОГО ДЛЯ ОПИСАНИЯ
ЯЗЫКОВ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ XVI–XVIII ВЕКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ОТРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА
В «РУССКИХ» ГРАММАТИКАХ)**

Как известно, при зарождении западноевропейской научной мысли и ее последующем развитии в течение XVI–XVIII веков латинский язык служил не только языком науки, но считался «прародителем» всех существующих языков. В дискурсе возникающего интереса к отдельным национальным языкам при создании их первых грамматик грамматическое описание было призвано осуществляться по образцу латинской грамматики, а грамматические категории латинского языка аплицировались в языковую систему языка описываемого.

В предлагаемой статье делается попытка представить такую практику грамматического описания на примере категории падежа существительных. При этом особое внимание уделяется первым церковнославянским и «русским» грамматикам, представленной в них терминологии и следующим отсюда далеко идущим выводам, позволяющим, на наш взгляд, пополнить имеющиеся знания о дискурсе формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века.

Непосредственными, «прагматическими», причинами для создания грамматик отдельных языков в XVI – начале XVIII веков нередко служили миссионерские цели. К одним из первых таких грамматик, безусловно, относятся три грамматики армянского языка, составленные иезуитами и опубликованные в относительно короткий период времени одна за другой в Риме, резиденции Ордена Иезуитов: в 1624 году – автор грамматики итальянец Франческо Ривола (Rivola 1624), в 1645 году – автор Клеменс Галанус (Galanus 1645) и в 1675 году – автор грамматики константинопольский армянин Иоанн Холов (Агоп) (Hollow 1675). Метаязыком всех трех грамматик является, соответственно, латинский. Собственно первые попытки «переоформления» армянского языка по образцу латинского были предприняты уже в XIV веке в переводах миссионеров-доминиканцев во главе с Варфоломеем Болонским, которые явились в Армению и обосновались там с целью склонить армян к унии с римско-католической

церковью. Их миссионерская деятельность не увенчалась успехом, т. к. миссионеры недостаточного владели армянским языком. Сам Варфоломей признается, что переводил религиозные книги на язык, которого не знал. Таким образом, создание грамматики, с помощью которой – в соответствии с западноевропейской концепцией обучения – можно было бы выучить язык миссионерируемых, призвано было послужить залогом миссионерского успеха. При этом не подвергалось сомнению, что грамматическое описание следует производить по образцу латинской грамматики, следуя грамматическим категориям латыни.

Обратимся к отражению категории падежа существительных в трех выше названных армянских грамматиках.

Ривола в своей грамматике 1624 года однозначно выделяет пять падежей, как в латинском языке: *Nominativus*, *Genetivus*, *Dativus*, *Accusativus* и *Ablativus* (*Vokativus* не называется). Далее даются, однако, шестичленные парадигмы армянских примеров с латинскими соответствиями, из которых следует, что на месте латинского *аблатива* (с двумя различными предлогами) в армянском языке представлены две падежные формы, отражающие различные значения: места/времени/направления, логического субъекта и др. Таким образом, грамматическая категория падежа латинского языка аплицируется в языковую систему армянского, но отражает ее неадекватно: для выражения определенных падежных значений в армянском языке представлено больше формальных оппозиций, чем в латинском.

В грамматике Галануса 1645 года данный языковой факт находит более детальное отражение. Галанус выделяет в армянском языке 10 падежей: *Nominativus*, *Genetivus*, *Dativus*, *Accusativus*, *Vokativus*, *Ablativus*, *Instrumentalis*, *Narrativus*, *Commorativus* и *Circumlativus*. При этом, как показывают приводимые в парадигмах латинские примеры-соответствия, *Ablativus*, *Instrumentalis*, *Narrativus* и *Commorativus* должны соответствовать латинскому *аблативу*, а *Circumlativus* – *аккузативу*. Используемый армянский языковой материал свидетельствует, однако, о том, что форма *нарратива* может употребляться также в соответствии со значениями латинских падежей *генетива* и *датива*, а форма *циркумлатива* со специальным префиксом *nota accusativi* совпадает с формой *инструменталия*. То есть неизвестные латинскому языку «новые» падежи выделяются формально на месте последнего падежа латинской парадигмы –

аблатива, а выражаемые данными формами значения описываются с ориентацией на значения латинских падежей.

Предложенное Галанусом описание парадигмы падежа в армянском языке полностью воспроизводится в грамматике 1675 года Холова, армянина по происхождению, и на долгие годы (столетия) закрепляется в западно-европейской научной грамматической мысли. Показательно, что Галануса цитирует в этой связи известный немецкий теолог и языковед-ориенталист Август Пфайфер в своем фундаментальном научном труде «*Critica Sacra*», вышедшем в 1680 году (Pfeiffer 1680). Труд Пфайфера представляет собой руководство к правильному и всеобъемлющему толкованию Священного Писания на различных языках и содержит полную библиографию научной литературы, в том числе существующих грамматик и словарей. Для нашего дальнейшего изложения важно отметить, что Пфайфер подчеркивает непосредственную преемственность между *нартивом* и латинским *аблативом* (там же: 429). Это высказывание он повторяет и в своем лингвистическом сочинении «*Introductio in orientem*», изданном в Виттенберге в 1693 году (Pfeiffer 1693), включающем описание 16 «неевропейских» восточных языков, к которым среди прочих он причисляет армянский и китайский. Парадигму падежа Галануса находим и в «*Thesaurus linguae armenicae*» Йогана Йоахима Шрёдера, опубликованном в Амстердаме в 1711 году (Schröder 1711). Аналогичная парадигма с подробным описанием значений 10-ти падежей представлена в грамматике нового времени «*Grammatik der classischen Armenischen Sprache*», изданной Лауером в Вене в 1889 году (Lauer 1889). Основным значением *аблатива* Лауер считает понятие «отторжения» или «разделения» («*Trennung*», ср. в русских грамматиках латинского языка начала XX века *аблатив* называется «отложительным» падежом) и выделяет среди восьми видов этого значения *Casus narativus* (7) в «смысле латинского аблатива с предлогом *de* при глаголах ‚говорить, рассказывать о чем-либо‘»,¹ *Ablativus loci* (6) и значение логического субъекта при глаголах пассива (3), которое совпадает (или перекликается) с одним из значений (2) *инструменталя* (там же: 86 след.). Современные грамматики армянского языка дают семичленную парадигму падежа. При этом армянские названия падежей соответствуют латинской

---

¹ Перевод на русский язык здесь и далее автора статьи – S. M.

терминологии *номинатива, генетива, датива, аккузатива и аблатива*, а также *инструменталя и локатива*.

Для демонстрации практики описания парадигмы падежа на основе языковой системы латинского языка и последовательного применения этой традиции в западноевропейском грамматологическом дискурсе привлечем *per exemplum* еще две грамматики.

Широко цитируя научную литературу, Ламберт тен Кате в общетеоретической части своего «Руководства по голландскому языку», изданного в Амстердаме в 1723 году на голландском языке (Kate 1723), называет пять основных, характерных для латинского языка падежей и описывает дополнительно четыре вида *аблатива*: *Commorativus* (т. е. *локатив*), *Instrumentalis*, *Narrativus* und *Discretivus* (т. е. собственно *аблатив* в значении «отторжения») (там же: 325 след.). Видный немецкий филолог нового времени Карл Фердинанд Бекер в своем весьма интересном, с точки зрения сравнительного языкознания, труде «Организм языка как введение в немецкую грамматику» (Becker 1845) выделяет четыре «основных» падежа *Accusativus*, *Genetivus*, *Dativus* и *Faktitivus*, которые охватывают, по его мнению, «все существующие отношения распространенного объекта, чем и является падеж, как таковой». Все остальные падежные формы в различных языках рассматриваются как дополнительные (там же: 349 след.).

Первыми грамматиками общеславянского письменного языка (Толстой 1988) являются, как известно, церковнославянские грамматики Лаврентия Зизания (1596) и Мелетия Смотрицкого (1619). Возникшие в Юго-Западной Руси, они также следуют западноевропейской грамматологической традиции, что не удивительно. Авторы грамматик, Зизаний и Смотрицкий, были образованнейшими людьми своего времени, учились в иезуитских коллегиях и западноевропейских университетах. Смотрицкий, как известно, прослушал курсы в университетах Бреслау, Лейпцига, Нюрнберга и Виттенберга и получил за границей степень доктора медицины.

Обратимся к интересующей нас проблематике отражения категории падежа в этих грамматиках. Исходя из классического понимания данной категории в церковнославянском и русском языках (чем мы здесь ограничимся), следует констатировать, что шестичленной эквиполентной оппозиции категории падежа в латинском языке (как было показано выше) противостоит семичленная

эквивалентная оппозиция категории падежа в церковнославянском. Или, если, следуя Роману Якобсону, исключить из категории падежа звательную форму, получаем противопоставление пятичленной эквивалентной оппозиции в латинском шестичленной эквивалентной оппозиции в церковнославянском. Оба грамматиста решают эту проблему по-разному.

В своей «Грамматике славенской», изданной в Вильне в 1596 году, Зизаний в параграфе «ГД падежи» (Зизаний 1596: 17об.) сообщает: «Колико же есть падежй; пять *именовный, родный, дателный, творителный и виновный*». Не вызывает сомнения, что славянские наименования первых трех падежей и последнего являются переводом латинских терминов *Nominativus, Genetivus, Dativus* и *Accusativus*. А на месте названия *Ablativus*, фокусирующего значение «отторжения» (в церковнославянском языке это одно из значений *Genetivus-a*), используется перевод латинского термина *Instrumentalis*, который отражает одно из значений латинского *аблатива*, как было показано выше. В церковнославянском языке, в отличие от латинского, это значение может быть выражено специальным формативом (окончанием). Интересно, что порядок 4-го и 5-го падежей не совпадает с латинской грамматикой. В целом же категория падежа латинского языка с ее пятичленной эквивалентной оппозицией полностью апплицируется в языковую систему церковнославянского. Практика описания категории падежа у Зизания адекватна представленной в армянской грамматике Риволы (1624). Как и у Риволы формальные оппозиции, не «вкладывающиеся» в «корсет» латинского, возникают при подаче языкового материала в конкретных парадигмах: в дательном падеже Зизаний указывает две формы с разными окончаниями: Бгу и Бзѣ (Зизаний 1596: 26об.), т. е. дает форму и шестого церковнославянского падежа.

Смотрицкий принимает другое решение, хотя и не менее традиционное для западноевропейской грамматики. В параграфе «ГД падежи» своего труда «Грамматики Славенская правильное Синтагма», изданной в Вильне в 1619 году, он пишет: «Падежь есть окончания в сколонениихъ измена: Падеже суть семь: *Именителный, Родителный, Дателный, Винителный, Звателный, Творителный, Сказателный*. Отъ нихъ же *именителный* и *звателный* Прави именуются прочіи же вси Косвени» (Смотрицкий 1619: 31об.). Таким образом, точно следуя порядку описания парадигмы падежа в латинских грамматиках, Смотрицкий выделяет на месте последнего латинского падежа *аблатива* два падежа в церковнославянском

языке – *творительный* и *сказательный*: «Творительный есть/ им же творимъ: яко, члов-комъ. Сказательный есть/ им же сказуемъ: яко ѿ члов-цѣ» (Смотрицкий 1619: 31об.). Семичленная эквивалентная оппозиция категории падежа в церковнославянском языке соотносится с шестичленной в латинском за счет введения «новых» падежей на месте *аблатива*. Аналогичную практику описания мы наблюдали в грамматике армянского языка Галануса (1645) и других последующих. Названия церковнославянских падежей у Смотрицкого являются, как и у Зизания, несомненно переводом латинской терминологии, только более удачным. Особый интерес представляет название *сказательный* для 7-го падежа с учетом его различных значений (как известно, в современных церковнославянских грамматиках этот падеж называется *местным*, а в русских – *предложным*). По всей вероятности, термин Смотрицкого *сказательный* связан с латинским *Narrativus* как одним из значений *аблатива*. (Вспомним, что значение *нарлатива* могло присутствовать и в *дативе*. Возможно, этот факт побудил Зизания включить окончание невыделяемого им падежа как второе в *дательный*: Бгу и Бсѣ).

Терминология падежей Смотрицкого закрепилась в русской грамматике и присутствует в ней по сей день, за исключением названия *сказательный*. Наименование этого падежа представляло, как кажется, трудности для авторов первых русских грамматик – преимущественно иностранцев, следовавших западноевропейской грамматологической традиции, – и вызвало в первой трети XVIII века терминологическую дискуссию. Результаты нашего анализа данной проблематики представлены в *Таблице 1*.

Самой первой (и самой солидной в свое время) грамматикой русского языка считается, как известно, «*Grammatica Russica*» Генриха Вильгельма Лудольфа, которая была издана на латинском языке в Оксфорде в 1696 году (Ludolf 1696). Выделяя на месте латинского *аблатива* в русском языке два падежа и цитируя русскую терминологию Смотрицкого, Лудольф последовательно использует латинские термины *Ablativus Instrumentalis* для *творительного* падежа и *Ablativus* (без какого-либо уточнения) в соответствии с термином *сказательный* у Смотрицкого.

В своей неоконченной и неизданной при жизни автора «Русской грамматике» на немецком языке 1704 года (Keipert, Uspenskij, Živov 1994) Йоган Эрнст Глюк дает шестичленную парадигму падежа, но выделяет под *Ablativus* два

окончания. В самой первой парадигме со словом *вода* мы находим в качестве первой формы *аблатива «от воды»* действительно значение «отторжения», выражаемое в русском языке родительным падежом. Затем, однако, последовательно даются такие две формы, как *о Исаи, Исаемъ* и *Исаею; о лице, лицемъ; о морозе, морозомъ*. Обнаруженный нами в Галле документ, представляющий собой правку русского перевода катехизиса А. Г. Франке, выполненную Глюком, позволяет сделать вывод, что Глюк (как и Лудольф) маркировал с помощью «*der andere Ablativo*», т. е. «*второй аблатив*» (Mengel 2010), именно *творительный* падеж, не уточняя термин *Ablativus* для первой формы.

Аналогичная Лудольфу и Глюку практика представлена в рукописной грамматике русского языка 1724 года Жанна Сойе «*Grammaire et Methode Russes et Françoises*» (Успенский 1987). В соответствии с термином *сказательный* (5-й падеж) Сойе использует *Ablatif*, а параллельно к *творительному* (6-й падеж) – *Ablatif Instrumental*. В конкретных парадигмах они выступают как сокращения *Ab<latif>* и *I<nstrumental>*.

В «Руководении въ грамматыку. Во славянороссийскую / *Manuductio in Grammaticam. In Sclavonico Rosseanam*» Ильи Копиевича, изданном им с параллельным текстом на «русском» и на латинском языках в 1706 году (Koriewicz 1706), в семичленной парадигме падежа в соответствии с русским термином *творительный* используется латинский *Ablativus*, а русскому термину *сказательный* соответствует латинский *Indikativus*. Такое латинское название 7-го падежа необычно с точки зрения современной грамматической терминологии – термином *Indikativ* обозначается сегодня, как известно, изъявительное наклонение глагола. Однако по семантике название *Indikativus*, очевидно, достаточно близко к термину Смотрицкого *сказательный*. Последний, как было показано выше, был связан в западноевропейской грамматологической традиции, по нашему мнению, с латинским обозначением *Narrativus* одного из значений *аблатива*.

Термин *Narrativus* для обозначения падежа, названного Смотрицким *сказательным*, появляется, как кажется, впервые в так называемой «Стокгольмской парадигматике» – печатном листе без заглавия, датировки и имени автора, обнаруженном Любомиром Джуровичем и Андерсом Шёбергом (Đurovič, Sjöberg 1987) в Государственном архиве в Стокгольме в отделе *Extranea* в делах канцелярии переводчиков. Лист «*Extranea*» содержит таблицы склонения

русских имен и местоимений и спряжения русских глаголов, а также указания к употреблению русских предлогов; комментарии к таблицам и указания даны на немецком языке, грамматические термины – на латинском. В семичленной парадигме падежа в единственном числе на месте *аблатива* выделяются *Abl.<ativus>1. Instru.<mentalis>* и *Abl.<ativus>2. Narr.<atius>*, которые далее в таблице склонения во множественном числе обозначаются только как *Abl.<ativus>1.* и *Abl.<ativus>2.* Термины *Ablativus Instrumentalis* и *Ablativus Narrativus* в различных сокращениях используются затем при описании употребления предлогов. Указаний на соответствующие русские термины для обозначения падежей – в отличие от выше названных грамматик Лудольфа (1696), Копиевича (1706), Сойе (1724) – нигде не дается.

Джурович и Шёберг придавали своей находке большое значение, т. к. видели в концепте грамматической кодификации неизвестного автора «стройную и последовательную систему» синтеза трех составляющих: «отчасти синтез грамматик Смотрицкого (1619) и Лудольфа (1696), отчасти рефлекс живого, до тех пор в грамматиках не засвидетельствованного русского словоизменения» (Đurovič, Sjöberg 1987: 260, 266). Лист «*Extranea*», по их мнению, послужил Василию Ададунову непосредственным образцом для его грамматики «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*», опубликованной в 1731 году на немецком языке (Ададунов 1731) в приложении к немецко-латинскому словарю Вайсмана, переизданному с добавлением русских лемм Российской Академией наук в Санкт-Петербурге. Грамматика Ададунова считается, как известно, результатом первых попыток кодификации русского литературного языка нового типа, предпринятых Российской Академией наук в первой трети XVIII века. Близость языкового материала, кодифицируемого в обоих грамматических произведениях, убедительно доказывается Джуровичем и Шёбергом и не оспаривается, насколько нам известно, в современном научном дискурсе. Не будем останавливаться на этой проблематике.

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что Ададунов, как и лист «*Extranea*», последовательно использует в своей грамматике термины *Instrumentalis* и *Narrativus* для обозначения соответственно 6-го и 7-го падежей без ссылки на термины Смотрицкого. Первая часть термина «*Ablativus 1. и 2.*» у Ададунова опускается. Эту терминологическую традицию продолжают Михаел Грёнинг (Groening 1750) в своей «Российской грамматике» 1750 года, изданной на

шведском языке в Стокгольме, и Мартин Шванвиц в рукописном *Compendium Grammaticae Russicae* 1731 года (Keipert, Huterer 2002) (Шванвиц в отличие от Грёнинга дает и русскую терминологию Смотрицкого). На генетическую зависимость между русской грамматикой Ададунова и Компендиумом Шванвица указывал Хельмут Кайперт (там же: 26 след.); оба грамматических произведения возникли в лоне Российской академии наук.

Таким образом, если термин *Instrumentalis* для обозначения одного из двух русских падежей, выделяемых на месте латинского *аблатива*, традиционно известен в русских грамматиках, начиная с Лудольфа (1696), то использованию термина *Narrativus* кладет начало, как кажется, именно лист «Extranea».

Научная дискуссия, развернувшаяся в последние 20 лет вокруг листа «Extranea», касается места и времени его издания, а также автора этого грамматического сочинения.

Думается, что мнение исследователей о том, что лист «Extranea» был напечатан в типографии Сиротского дома в Галле (Успенский 1992, Keipert 1997, Fleckenstein 2000), следует признать наиболее приемлемым. Хотя в архивах Сиротского дома пока не найдено никаких прямых свидетельств (работа в этом направлении неустанно ведется), по своему внешнему виду – дизайну – документ совпадает с латинскими грамматиками, регулярно переиздаваемыми в Галле. Важным аргументом являются также особенности кириллических литер, использованных в печати листа «Extranea», которые совпадают с особенностями литер, имевшихся в Галле (Vykova 1966, Keipert 1997, Fleckenstein 2000).

Относительно автора листа «Extranea» наиболее обстоятельными представляются исследования Кайперта (Keipert 1997, 2003). На основе подробного анализа примеров, особенно в указаниях к употреблению предлогов, которые восходят, по его мнению, к Уложению 1648 года, Кайперт приходит к выводу, что лист «Extranea» представляет собой «вытяжку» из написанной по-немецки грамматики Вернера Паузе «*Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache*» (Paus 1705–1729). Наряду с грамматическими произведениями Ададунова (1731) и Шванвица (1731) грамматика Паузе является третьей, современной первым двум, грамматикой Российской академии наук.

«Славяно-русская грамматика» Паузе, над которой автор, по его собственным словам, работал с 1705 до 1729 года (подготовил 1-й экземпляр в 1717 году, преподнес его императору в 1720 году и восстановил этот утерянный

экземпляр в 1729 году), осталась ненапечатанной (Михальчи 1969, Huterer 2001). Но «по частям» она широко использовалась «там и сям» «то тем, то другим» членом Академии, на что Паузе жалуется в своем «Донесении о проделанной работе в области русского языка, литературы и истории России» (*Observationes, inventiones et experimenta circa literaturam et historiam russicam*), направленном президенту Академии Лаврентию Блюментросту в 1732 году (Winter 1958), т. е. вскоре после издания грамматики Ададунова.

Для темы нашего исследования чрезвычайно важно, что в «Донесении», составленном на немецком языке и включающем обширные пассажи на латинском, Паузе представляет свой грамматический концепт. Резко критикуя грамматику Лудольфа (1696) и Смотрицкого (ему было известно московское издание 1648 года в обработке Ивана Наседки) как неполные, содержащие ошибки и «пахнущие» греческим языком, Паузе называет шесть оригинальных достоинств собственной грамматики. Одной из самых важных своих заслуг он считает, что впервые последовательно оформил систему склонения русских имен существительных «по аналогии и в полном соответствии с латинской грамматикой», выделив в русском языке пять типов склонения, как в латинском. «Аналогия» с латинской грамматикой установлена им, по его мнению, и в «окончаниях» тем, что два последних он назвал: одно – «*Effectivus* – когда спрашивают чем? (*womit?*)», а другое «*Objektivus*», которое «называет свой объект с предлогами *о, на, въ,* и без предлога не употребляется» (Winter 1958: 760). Таким образом, Паузе вводит новые термины для обозначения 6-го и 7-го падежей: *Effectivus* в соответствии с *творительным* у Смотрицкого и *Objektivus* в соответствии со *сказательным*. Сохранившийся черновик грамматики Паузе, где он дает латинские названия падежей параллельно русским терминам Смотрицкого, показывает, что он принципиально не отрицает термин *Instrumentalis*, очевидно, как синоним к своему *Effectivus*, однако, категорически против термина *Narrativus*. В «Донесении» Паузе пишет далее, что «известный Вам новичок (*ein gewisser Neuling*), хотя и выделяет первое окончание <как я>, но называет другое окончание *Narrativus*, что совершенно глупо и по-дурацки». Потому что оба падежа не являются *аблативом*: они не имеют значения «отторжения», это значение выражает *Genitivus* (там же).

В данном высказывании Паузе отражается уже известная нам западно-европейская грамматологическая традиция выделять при описании различных

языков «новые» падежи на месте латинского аблатива. Кроме того, оно позволяет, как кажется, сделать два важных вывода:

Во-первых, Паузе, очевидно, нельзя признать автором листа «*Extranea*», как это считает Кайперт (2003). Несмотря на представленные ученым и подробно обоснованные результаты анализа языкового материала, нельзя недооценивать проблему терминологии. В листе «*Extranea*» последовательно используются термины *Ablativus 1. Instrumentalis* и *Ablativus 2. Narrativus*. Предположение Кайперта о том, что при напечатании «вытяжки» из грамматики Паузе в Галле его термины были заменены, без ведома автора, на хорошо известные «традиционные» термины Лудольфа, не представляется убедительным: во-первых, Лудольф, как было показано выше, не использует термин *Ablativus Narrativus*, а употребляет для обозначения 7-го падежа (2-го аблатива) просто термин *Ablativus* без дальнейшего уточнения; во-вторых, человек, способный произвести такую замену терминов, должен был обладать солиднейшими теоретическими и практическими знаниями по русской грамматике. Таковой в Галле в предполагаемый период непечатания листа «*Extranea*» нам неизвестен. То, что Паузе сам использовал ранее термин *Ablativus Narrativus*, противоречит, как нам кажется, его категорическому высказыванию в «Донесении».

Во-вторых, небезынтересным представляется вопрос, кого Паузе называет «известный Вам новичок (*ein gewisser Neuling*)». На первый взгляд, его определение относится к Ададуру, что, очевидно, более всего вероятно. Однако в грамматике Ададура термины *Instrumentalis* и *Narrativus* даются без их конкретного соотнесения с аблативом. Может быть, Паузе имеет в виду автора листа «*Extranea*», которому следует Ададуров?

Борис Андреевич Успенский (1992) указал на непосредственную близость (частичную идентичность) текста листа «*Extranea*» и рукописной русской грамматики Йоахима Христофера Шталя «*Rudimenta linguae russicae*», которую автор подарил библиотеке Сиротского дома в Галле в 1745 году. Проведенные нами исследования (Mengel 2013, 2015) позволяют не только сделать вывод, что лист «*Extranea*» и грамматика Шталя представляют собой два грамматических произведения, принадлежащих перу одного и то же талантливому автору, т. е. Шталя: практическую грамматику русского языка, написанную по-немецки (лист «*Extranea*»), и научное грамматическое описание, выполненное по латыни («*Rudimenta linguae russicae*»), но и по-новому датировать оба документа: лист

«Extranea» – 1720-ым годом и «*Rudimenta linguae russicae*» – 1720–1727-ым годами.

В этом случае приоритет введения термина *Narrativus* в научный оборот грамматического описания парадигмы русского падежа может принадлежать Шталю. При этом термин *Narrativus* для 7-го падежа не следует возводить к переводу термина *сказательный* у Смотрицкого, как предполагали Джурович и Шёберг. Шталь заимствует *Narrativus*, очевидно, из описания армянского языка у Пфайфера, фундаментальный труд которого «*Introductio in orientem*» (1693) он цитирует в своих научных штудиях по китайскому языку. Итак, круг замкнулся.

Подведем итоги:

1) При зарождении западноевропейской научной мысли и ее последующем развитии в течение XVI–XVIII веков латинский язык служил не только языком науки, но считался «прародителем» всех существующих языков. В дискурсе возникающего интереса к отдельным национальным языкам при создании их первых грамматик грамматическое описание было призвано осуществляться по образцу латинской грамматики.

2) При отражении категории падежа существовало, как кажется, две практики такого описания: либо шестичленная эквиполентная оппозиция латинской парадигмы падежа апплицировалась в языковую систему языка описываемого, а имеющиеся в нем формальные оппозиции, не соответствующие латинским, «подгонялись» под значения латинских падежей; либо «новые» падежи выделялись на месте последнего латинского падежа – *аблатива*.

3) Обе практики представлены в ранних церковнославянских и русских грамматиках XVI – начала XVIII веков. При этом, если термин *Instrumentalis* для обозначения одного из двух русских падежей, выделяемых на месте латинского *аблатива*, был традиционен, то наименование другого падежа (называемого сегодня *предложным*) представляло, как кажется, трудности для авторов первых русских грамматик и вызвало в первой трети XVIII века терминологическую дискуссию.

Таблица 1:

Русские грамматики XVII – начала XVIII веков	«Творительный» по Смотрицкому (1619)	«Сказательный» по Смотрицкому (1619)	Параллельно с русскими терминами Смотрицкого
Ludolf (1696)	<i>Ablativus Instrumentalis</i>	<i>Ablativus</i>	+
Glück (1704)	„der andere <i>Ablativo</i> “	<i>Ablativus</i>	-
Sohier (1724)	<i>Ablatif Instrumental</i>	<i>Ablatif</i>	+
Grammatica Russica Hamburgensis (1705–1728)	<i>Instrumental</i>	<i>Ablativ</i>	-
Лист «Extranea» (1720)	<i>Ablativus 1. Instrumentalis</i>	<i>Ablativus 2. Narrativus</i>	-
Stahl (1720–1727)	<i>Ablativus 1. Instrumentalis</i>	<i>Ablativus 2. Narrativus</i>	-
Ададуров (1731)	<i>Instrumentalis</i>	<i>Narrativus</i>	-
Groening (1750)	<i>Instrumentalis</i>	<i>Narrativus</i>	-
Schwanwitz (1731)	<i>Instrumentalis</i>	<i>Narrativus</i>	+
Kopiewicz (1706)	<i>Ablativus</i>	<i>Indikativus</i>	+
Paus (1705–1729)	<i>Effectivus / Instrumentalis</i>	<i>Objektivus</i>	+

Литература

К. F. Becker (1845): *Organism der Sprache*. Frankfurt am Main.

T. A. Bykova (1966): Über in Halle gedruckte slawische Bücher. *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen*. Berlin, 262–267.

L. Đurovič, A. Sjöberg (1987): Древнейший источник парадигматики современного русского языка. *Russian Linguistics* 11/2–3, 255–278.

C. Fleckenstein (2000): Nochmals zu den slawischen Arbeiten des Franckekreises. Eine Hypothese. S. Mengel (Hrsg.), *Zu Ehren von Dietrich Freydank*. Münster, 41–55.

Galanus (1645): *Clemens Galanus, Grammaticae et logicae institutiones Linguae Literaris Armenicae*. Roma.

J. E. Glück (1704): *Grammatik der russischen Sprache* (1704). H. Keipert, B. A. Uspenskij, V. M. Živov (Hrsg.), *J. E. Glück, Grammatik der russischen Sprache* (1704). Köln – Weimar – Wien.

Grammatica Russica Hamburgensis (1705–1728): M. Schmücker-Breloer (Hrsg.), *Grammatica Russica Hamburgensis*. Köln – Weimar – Wien.

M. Groening (1750): *Россійская грамматика / Thet är Grammatica Russica, eller Grundelning Handledning til Ryska Språket*. Stockholm. B. O. Unbegan (Hrsg.), *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. München.

I. Holow (1675): *Grammatica Armenica*. Roma.

A. Huterer (2001): *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. München.

L. ten Kate (1723): *Aenleiding tot de Kennisse van het verhevene deel der Nederduitsche sprake*. Amsterdam.

H. Keipert (1997): Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. („Extranea 157: 6,38“) als hallischer Druck. *Zeitschrift für slavische Philologie* 56/1, 158–179.

H. Keipert (2003): Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. („Extranea 157: 6,38“) und die „Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache“ von J. W. Paus. *Slavia Orthodoxa. Ezik i kultura*. Sofia, 194–199.

H. Keipert, A. Huterer (2002): *Compendium Grammaticae Russicae (1731)*. Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache. München.

H. Keipert, B. A. Uspenskij, V. M. Živov (1994): *J. E. Glück, Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Köln – Weimar – Wien.

E. Kopiewicz (1706 / 1969): *Руководение въ грамматыку. Во славянороссийскую или московскую/Manuductio in Grammaticam. Sclavonico Rosseanam seu Moscoviticam*. Stolzenberg. B. O. Unbegan (Hrsg.), *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. München.

M. Lauer (1889): *Grammatik der klassischen Armenischen Sprache*. Wien.

H. W. Ludolf (1696 / 1959): *Grammatica Russica, Oxonii, A. D. MDCXCVI*. B. O. Unbegaun (ed.). Oxford.

S. Mengel (2010): „Anmerkungen über die Russischen Frag=stücken“ – ein Dokument aus Halle und sein Autor. Chr. Schiller, M. Grudule (Hrsg.), *Zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654–1705)*. Wiesbaden, 237–262.

S. Mengel (2013): Die Rudimenta Linguae Russicae von J. C. Stahl im Streitdiskurs um die Stockholmer Paradigmatik: Neue Erkenntnisse. S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša (Hrsg.), *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk*. München, 209–220.

S. Mengel (2015): К дискурсу формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII века: грамматические произведения Йохима

Христофера Шталя. М.А. Малыгина (отв. ред.), *Осьмь десятъ. Сборник научных статей к юбилею И.С. Улуканова*. Москва, 495-505.

Paus (1705–1729 / 2001): Johann Werner Paus, *Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache*. A. Huterer (Hrsg.), *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705–1729) von Johann Werner Paus*. München.

A. Pfeiffer (1680): *Critica Sacra*. Dresden.

A. Pfeiffer (1693): *Introductio in orientem*. Wittenberg.

F. Rivola (1624): *Grammaticae Armenae*. Roma.

J. J. Schröder (1711): *Thesaurus linguae Armenicae, antique et hodiernae*. Amsterdam.

J. Sohier (1724 / 1987): *Grammaire et Methode Russes et Françaises*. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. München.

E. Winter (1958): Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732 über seine Tätigkeit auf dem Gebiete der russischen Sprache, der Literatur und der Geschichte Russlands. *Zeitschrift für Slawistik*. Volume 3, Issue 5, 744–769.

В. Е. Ададулов (1731 / 1969): *Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*. St. Petersburg. В. О. Unbegan (Hrsg.), *Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts*. München.

Зизаний (1596): Лаврентий Зизаний, Грамматика славенская. Е. А. Кузьмина (сост.), *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Москва 2000, 26–113.

Д. Е. Михальчи (1969): *Славяно-российская грамматика Иоанна Вернера Паузе*. Автореферат докторской диссертации.

М. Смотрицкий (1619): Грамматики Славенская правильное Синтагма. Е. А. Кузьмина (сост.), *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого*. Москва 2000, 129–470.

Н. И. Толстой (1988): *История и структура славянских литературных языков*. Москва.

Б. А. Успенский (1987): *Jean Sohier, Grammaire et Methode Russes et Françaises*. Факсимильное издание под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского. München.

Б. А. Успенский (1992): Доломоносовские грамматики русского языка. A. Sjöberg, Ĺ. Ğuroviĉ, U. Birgegård (eds.), *Доломоносовский период русского литературного языка*. Stockholm, 63–169.

Резюме

Die universale Matrix des Lateinischen für die Sprachenbeschreibung in der westeuropäischen grammatologischen Tradition des 16.-18. Jahrhunderts (am Beispiel der Kategorie Kasus in „russischen“ Grammatiken)

Während der Entstehung und der Entwicklung der wissenschaftlichen Tradition im Westeuropa des 16. – 18. Jh. galt das Lateinische nicht nur als Sprache der Wissenschaft im Allgemeinen, sondern man hielt es für die „Mutter“ aller existierenden Sprachen. So war es präferiert, die grammatischen Beschreibungen verschiedener nationaler Einzelsprachen (die zu dieser Zeit nach und nach in Mittelpunkt des wissenschaftlichen Interesses rückten) nach dem Vorbild der lateinischen Grammatik vorzunehmen.

Bei der Beschreibung der Kategorie Kasus wurden dabei, wie es scheint, zwei Vorgehensweisen praktiziert: Entweder applizierte man die sechsgliedrige äquipollente Opposition des lateinischen Kasusparadigma auf das Sprachsystem der zu beschreibenden Sprache, wobei die dort existierenden formalen Oppositionen, die den lateinischen Kasusendungen nicht entsprachen, an die Kasusbedeutungen im Lateinischen „angepasst“ wurden; oder man gliederte an Stelle des letzten lateinischen Kasus – des Ablativs – die „neuen“ Kasus aus.

Die beiden Vorgehensweisen liegen in frühen kirchenslawischen und russischen Grammatiken des 16. – Anfang 18. Jh. vor. Metasprachlich war der Gebrauch des Terminus’ Instrumentalis für die Bezeichnung des einen von zwei an Stelle des lateinischen Ablativs präskriptiv festgelegten Kasus unter Grammatikschreibern im 18. Jh. eher unumstritten und traditionell, die Bezeichnung für den anderen Kasus – den heutigen russischen Präpositiv (bzw. kirchenslawischen Lokativ) – rief dagegen heftige terminologische Diskussionen hervor.

